

Научная статья / Research Article

УДК 903.5(571.1):930.24

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(3\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(3).-03)

EDN: SMLWJK

ПОГРЕБЕНИЕ РЕБЕНКА КАМЕННОГО ВЕКА С ПРИЗНАКАМИ ЭКСТРАОРДИНАРНОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ИЗ МОГИЛЬНИКА УСТЬ-АЛЕЙКА-5 (БАРНАУЛЬСКОЕ ПРИОБЬЕ)

**Кирилл Юрьевич Кирюшин^{1*}, Вадим Борисович Бородаев²,
Константин Николаевич Солодовников³, Ирина Васильевна
Толпеко⁴, Марина Петровна Рыкун⁵**

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
kirill-kirushin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3122-1423>

²Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия;
borodaev_vb@altspu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9543-0596>

³Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия;
solodk@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0925-7219>

⁴Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия;
itolpeko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3085-2330>

⁵Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск,
Россия; m_rykun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4262-8731>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. Захоронение ребенка раннего детского возраста середины — конца IV тыс. до н.э. из могильника Усть-Алейка-5 относится к так называемым «атипичным», имеющим признаки экстраординарной погребальной практики. Причиной специфичности погребального обряда и многочисленности сопроводительного инвентаря захороненного могла являться его патология (макроцефалия, вероятно, обусловленная гидроцефалией).

Планиграфическое исследование расположения костных останков и инвентаря позволило сделать вывод о том, что в процессе археологизации кости ребенка и сопровождавшие его предметы спроецировались в плотную «пачку» мощностью 0,35–0,5 м.

Авторами статьи рассмотрены две версии погребального обряда. Первая — тело ребенка было зафиксировано в вертикальном положении при помощи органических материалов. Вторая — погребение костей ребенка происходило уже после того, как мягкие ткани большей частью были утрачены и в связанном состоянии находились только позвонки и ребра. В результате исследования сделан вывод, что обе версии имеют право на существование.

Ключевые слова: каменный век, вертикальное погребение, экстраординарная погребальная практика, Барнаульское Приобье

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта РНФ «Погребальные комплексы неолита — энеолита Барнаульского Приобья в кругу синхронных памятников Южной Сибири и сопредельных территорий» (проект № 24–28–01030).

Для цитирования: Кирюшин К. Ю., Бородаев В. Б., Солодовников К. Н., Толпеко И. В., Рыкун М. П. Погребение ребенка каменного века с признаками экстраординарной погребальной практики из могильника Усть-Алейка-5 (Барнаульское Приобье) // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, № 3. С. 50–75. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(3\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(3).-03)

BURIAL OF A STONE AGE CHILD WITH SIGNS OF EXTRAORDINARY BURIAL PRACTICE FROM THE UST-ALEIKA-5 (BARNAUL STRETCH OF THE OB)

**Kirill Y. Kiryushin^{1*}, Vadim B. Borodaev², Konstantin N. Solodovnikov³,
Irina V. Tolpeko⁴, Marina P. Rykun⁵**

¹Altai State University, Barnaul, Russia;

kirill-kiryushin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3122-1423>

²Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia;

borodaev_vb@altspu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9543-0596>

³Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS;

solodk@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0925-7219>

⁴Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia;

itolpeko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3085-2330>

⁵National Research Tomsk State University;

m_rykun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4262-8731>

*Corresponding Author

Abstract. The burial of a child of early childhood from the middle to the end of the 4th millennium BC from the Ust-Aleyka-5 burial ground is considered to be so-called «atypical», having signs of an extraordinary burial practice. The reason for the specificity and large number of accompanying inventory and burial rites of the buried person could be his pathology (macrocephaly, probably caused by hydrocephalus).

A planigraphic study of the location of bone remains and inventory allowed us to conclude that during the archaeological process, the child's bones and accompanying objects were projected into a dense "pack" with a thickness of 0.35–0.5 m.

The authors of the article considered two versions of the burial rite. The first — the child's body was fixed in a vertical position using organic materials. The second — the burial of the child's bones took place after the soft tissues had been mostly lost and only the vertebrae and ribs were in a bound state. As a result of the study, it was concluded that both versions have a right to exist.

Keywords: Stone Age, vertical burial, extraordinary burial practice, Barnaul Stretch of the Ob

Acknowledgments: the study was carried out as part of the Russian Science Foundation grant "Burial Complexes of the Neolithic-Chalcolithic Period of the Barnaul Ob Region in the Context of Synchronous Monuments of Southern Siberia and Adjacent Territories" (project No. 24–28–01030).

For citation: Kiryushin K. Yu., Borodaev V. B., Solodovnikov K. N., Tolpeko I. V., Rykun M. P. Burial of a Stone Age Child with Signs of Extraordinary Burial Practice from the Ust-Aleika-5 (Barnaul Stretch of the Ob). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2025;37(3):50–75. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(3\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(3).-03)

Введение
Памятник Усть-Алейка-5 выявлен в 1981 г. в с. Усть-Алейка Калманского района Алтайского края (рис. 1). В 1982 г. обнаружено и исследовано неолитическое погребение № 2 — одиночное захоронение ребенка раннего возраста. Оно выделяется на фоне синхронных погребений юга Западной Сибири богатым сопроводительным инвентарем — каменные орудия и отходы каменной индустрии, острие из кости и более 250 украшений из кости, раковин *Unio aff. tumidus* (Бородаев и др., 2022, с. 51–54), из резцов марала и одна раковина морского брюхоногого моллюска *Tritia nitida* (Бородаев и др., 2025, с. 44–52).

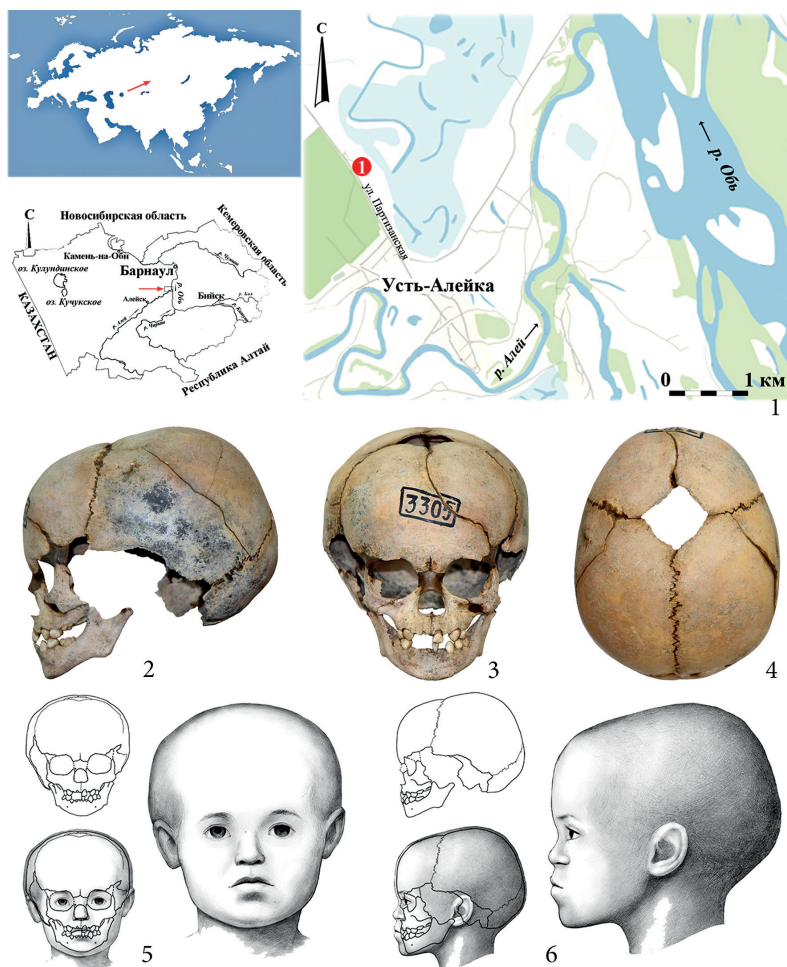

Рис. 1. Расположение памятника Усть-Алейка-5 (1). Череп ребенка из Усть-Алейки-5: 2 — вид сбоку; 3 — вид спереди; 4 — вид сверху; 5 — графическая реконструкция, анфас; 6 — графическая реконструкция, профиль

Fig. 1. Location of the Ust'-Aleika-5 site (1). The Ust'-Aleika-5 child cranium: 2 — anterior; 3 — left lateral; and 4 — superior views; 5 — 2D facial reconstruction in anterior; and 6 — left lateral views

Причиной экстраординарности набора сопроводительного инвентаря и в целом погребального обряда мог быть патологический статус погребенного (макроцефалия, вероятно, обусловленная гидроцефалией (водянка головного мозга). Восстановленные «взрослые» размеры черепа ребенка позволяют допускать мужской пол погребенного; возраст на момент смерти соответствовал двум годам \pm 8 месяцев; реконструируемый рост мог составлять от $85\pm 3,6$ см до $93\pm 3,6$ см (Солодовников и др., 2024, с. 16, 20–21, 23–24, рис. 1).

На протяжении длительного времени материалы этого уникального погребения были известны и доступны для исследования только узкому кругу специалистов, профессиональные интересы которых связаны с изучением проблем каменного века Западной Сибири (Кiryushin, 2002, с. 27; Марочкин, 2014, с. 22).

В научной литературе наблюдаются два направления, связанные с определением места этого комплекса в кругу погребений каменного века Северной Евразии. Наиболее обоснованно они представлены в публикациях А. Г. Марочкина и В. А. Заха. В статье В. А. Заха погребение ребенка из могильника Усть-Алейка-5 рассматривается среди вертикальных погребений Северной Евразии (Зах, 2023, с. 87–89). В работе А. Г. Марочкина захоронения № 3 могильника Заречное-1 в Присалаирье, в Нижнетыткескенской пещере 1 (далее НТП-1) и ребенка на Усть-Алейке-5 определены как «атипичные погребения периода неолита с признаками экстраординарной погребальной практики» (Марочкин, 2014, с. 30).

Цель данной публикации — представление археологического контекста положения костей ребенка, животных, птицы и сопроводительного инвентаря на основании материалов полевой документации 1982 г. Объективная оценка погребального обряда данного захоронения позволит определить его место среди «вертикальных» и «атипичных» погребений Северной Евразии.

Методика работы с полевой документацией 1982 г.

Документация 1982 г. содержит ситуационный план (рис. 2.-1), позволяющий определить положение памятника на местности и планы раскопок 1981–1982 гг. (рис. 2.-2–3). Отдельным планом даны контуры предполагаемого могильного пятна (рис. 2.-4).

На рисунках 3–7 приводятся планы могилы № 2, полученные в процессе раскопок в 1982 г. Послойные планы очень подробны и содержательны. Все каменные артефакты и почти все подвески из зубов марала имеют индивидуальные номера и нивелировочные отметки на планах (рис. 3–7), а крупные кости — даже несколько отметок, что позволяет понять не только расположение находок на плоскости, но и их ориентацию по вертикали.

В послойные планы (ярусы 1–5) не вносились содержательных правок или исправлений, лишь все надписи заменены на аналогичные в текстовом редакторе (рис. 3–7). Приходится констатировать, что планы погребения довольно сложны для восприятия.

Для визуализации графической информации на планах 1982 г. в программе Photoshop выполнены цветные заливки антропологических, остеологических и археологических находок, что отражено в обозначениях на планах (рис. 3–7).

Все антропологические находки, хранящиеся в Кабинете антропологии Томского государственного университета (Инв. № 3305), имеют шифры с названием могильника и номером погребения, на отдельных из них указана глубина.

Планы погребения (рис. 3–7) дополнены рисунками сопроводительного инвентаря (рис. 8). Таким образом весь комплекс планов: ситуационного (рис. 2.-1) и раскопов (рис. 2.-2–4), чертежей погребения (ярусы 1–5; рис. 3–7) и рисунки сопроводительного инвентаря (рис. 8), погребения № 2 могильника Усть-Алейка-5 дают детальную информацию о расположении костей человека, животных, птиц и сопроводительного инвентаря в этом уникальном захоронении.

Основная часть

Могильник Усть-Алейка-5 расположен на небольшом низком мысу, на северо-западной окраине с. Усть-Алейка. К началу 1980-х гг. центр мыса был занят агрегатом витаминной муки (АВМ) для производства гранулированного корма. В 1981 г. при рытье столбовой ямы было обнаружено погребение монгольского времени. В том же году оно доследовано В. Б. Бородаевым. Археологические работы продолжены в 1982 г.

По словам рабочих, при рытье ямы для подпорки столба линии электропередач они находили кости человека. Чтобы проверить эти сведения, к востоку от АВМ в единой координатной сетке с раскопом 1 был заложен раскоп 2 (рис. 2.-2, 3). Раскопки велись на промышленной площадке, неоднократно выравняваемой техникой. По мере накопления строительного мусора и отходов производства площадку расчищали трактором, что приводило к изменению уровня дневной поверхности. По этой причине за точку отсчета глубин раскопа 2 (условный ноль) был принят уровень горизонтальной площадки бетонного основания АВМ, который условно считался «уровнем дневной поверхности».

Зачистка раскопов в Усть-Алейке-5 производилась на глубине –55–60 см. Стратиграфически это уровень, лежащий немного ниже слоя интенсивно черного суглинка (чернозема), в верхней части прослоя бледно-желтого материкового суглинка с многочисленными подтеками более темного цвета. Чистый материковый суглинок без разводов начинается примерно с глубины 80–85 см.

Черно-серые пятна ям хорошо выделялись уже на уровне –55–60 см. Вместе с тем при зачистках неоднократно прослеживались смутные очертания пятен, часто неправильной формы, которые прокапывались вглубь, но оказывались почвенными разводами или сочетаниями подобных подтеков и нор. Однако одно из таких пятен, оконтуренное в западной половине кв. М7 южнее развала сосуда, все же оказалось ямой могилы 2 (рис. 2.-3, 4).

При зачистке на уровне –53 см это пятно неправильной овальной формы с примерными размерами 85×60 см и ориентацией по оси С–Ю выделялось цветом заполнения, оно хотя и состояло из материкового суглинка, но было несколько более темного оттенка, чем окружающий фон (рис. 2.-4).

После углубления еще на один штык, до –80 см, контуры пятна исчезли. При зачистке были видны разводы чуть более темного цвета, чем материк, но какого-то цельного пятна эти разводы не составляли. В то же время грунт здесь был значительно мягче, чем материковый суглинок, что заставило продолжить углубление.

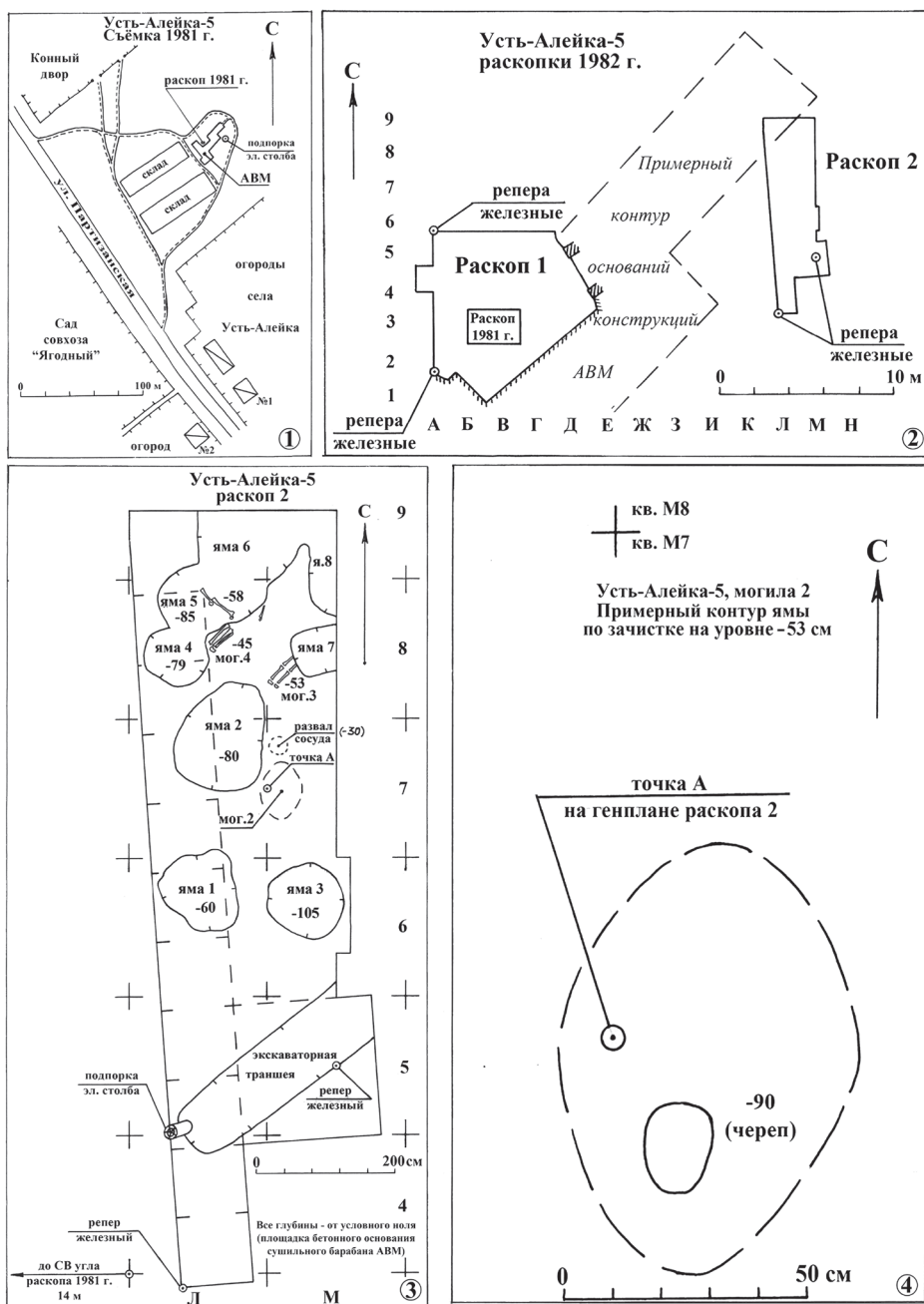

Рис. 2. Памятник Усть-Алейка-5: 1 — ситуационный план 1981 г.; 2 — план раскопок 1982 г.; 3 — план раскопа № 2, 1982 г.; 4 — могила № 2, примерный контур ямы на уровне -53 см

Fig. 2. The Site of Ust'-Aleyka-5: 1 — situational plan of 1981; 2 — excavation plan of 1982; 3 — plan of excavation No. 2, 1982; 4 — grave No. 2. Approximate outline of the pit at level -53 cm

При выборке следующего штыка в этом месте были выкопаны лопатой отдельные кости черепа ребенка, которые рабочий принял за кости крупного грызуна. Непосредственно под черепом грунт был очень мягким. Считая, что открылась нора, землекоп рукой извлек оттуда одну за другой двенадцать мелких костей животного (как выяснилось потом, позвонки, лопатку и несколько длинных костей птицы), а также два каменных отщепа и резец (Бородаев и др., 2025, с. 49, рис. 6).

Поскольку камни, несомненно, являлись археологическими находками, выборка грунта в кв. М7 была приостановлена. Дальнейшие работы велись под непосредственным наблюдением В. Б. Бородаева.

При осмотре отвала были собраны обломки костей черепа ребенка. Стало ясно, что рабочим обнаружена могила человека, получившая номер 2, а извлеченные из земли кости животного, вероятно, могли быть связаны с особенностями погребальной обрядности. На чертеже с обозначением зачищенного пятна в том месте, где обнаружили кости, был нарисован контур выкопанного оттуда черепа ребенка с условной высотой отметкой -90 см (рис. 2.-4).

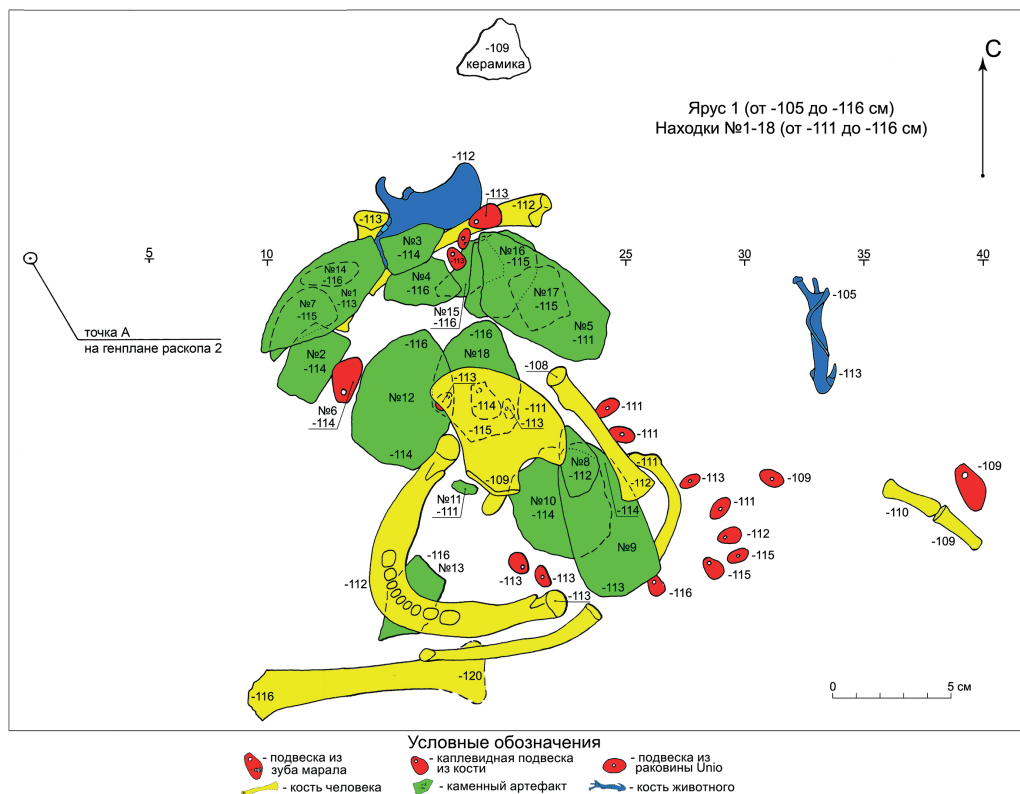

Рис. 3. Памятник Усть-Алейка-5. Могила № 2. Ярус 1 (от -105 до -116)

Fig. 3. The Site of Ust`-Aleyka-5. Grave No. 2. Tier 1 (from -105 to -116)

Перед началом расчистки погребения на границе квадратов Л7 и М7 (в точке А) был установлен дополнительный нивелировочный репер для вычисления глубин в могильной яме (рис. 2.-3, 4; 3-7; 9). Началась тщательная расчистка и фиксация обнаруженного захоронения. Сложность состояла в том, что при обилии находок площадь их распространения не превышала 35×25 см. Указанное обстоятельство заставило вести зарисовку расчищенного участка в натуральную величину, без уменьшения масштаба изображения.

Вскоре выяснилось, что кости туловища уходят вертикально вниз, образуя плотную пачку. Чтобы расчистить нижележащие части скелета, необходимо было разобрать верхний слой костей — и так несколько раз. Всего от уровня костей черепа до дна могильной ямы расчищено и зафиксировано пять слоев, названных в полевой документации «ярусами» (рис. 3-7). Все графические работы выполнены автором раскопок — В. Б. Бородаевым.

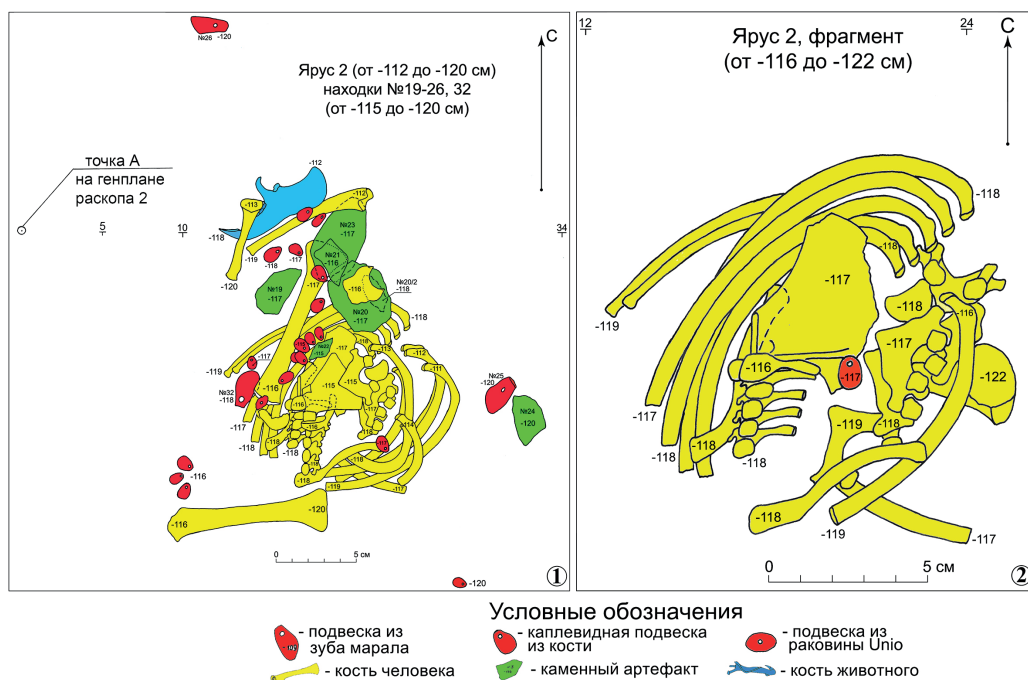

Рис. 4. Памятник Усть-Алейка-5. Могила № 2: 1 — ярус 2 (от -112 до -120 см); 2 — ярус 2, фрагмент (от -116 до -122 см)

Fig. 4. The Site of Ust`-Aleyka-5. Grave No. 2: 1 — tier 2 (from -112 to -120 cm); 2 — tier 2, fragment (from -116 to -122 cm)

Послойная расчистка, зарисовка в натуральную величину и получение множества нивелировочных отметок позволили зафиксировать положение всех сохранившихся в могиле крупных костей посткраниального скелета ребенка и всех пронумерованных находок (изделия из камня, просверленные клыки марала), а также челюстей сурков и костей птицы. Что касается массовых находок подвесок-нашивок, об-

щее число которых превышало 250 экз., зарисовать их все в эпицентре расчистки не представлялось возможным: обилие этих украшений блокировало зачистку скелета и другого сопроводительного инвентаря. Подвески-нашивки фиксировались на чертежах там, где была возможность, — в основном по периферии могильной ямы. В центральной части погребения, среди костей скелета, основная их часть при расчистке снималась без зарисовки.

Из-за чрезвычайной скученности археологических находок на крайне небольшой площади совсем мелкие остеологические останки не зарисовывались. Это относится прежде всего к отчленившимся эпифизам длинных костей скелета ребенка, имевшим малые размеры и неопределимый вид. На чертежи попали только проксимальный эпифиз правой плечевой (рис. 4) и дистальные эпифизы бедренных костей (рис. 7).

Кости стоп и кистей рук в сочленении встречены не были, за исключением двух фаланг в ярусе 1 (рис. 3). Отсутствие сравнительно крупных костей стоп на планах, где зафиксирована только одна пяточная (рис. 7) и одна фаланга (рис. 6), свидетельствует, что остальных подобных не встречено. Вместе с тем отдельные кости из стоп и кистей, возможно, попадались в общей массе находок, но из-за малой величины они не зарисовывались; в полевой документации такие факты не отражались, и вопрос этот, к сожалению, сейчас не может быть решен однозначно.

Необходимо отметить, что методика работ 1970-х гг., в соответствии с которой велись раскопки погребения 2 в 1982 г., не предполагала упаковку и вывоз всего посткраниального скелета. В то время считалось достаточным взять длинные кости, кости таза, ключицы, грудину. Мало кто из коллег забирал после завершения раскопок погребения позвоночник и ребра скелета, никто и никогда в то время не увозил кости стоп и кистей рук. Методика предполагала оставление «недиагностичных» останков скелета в кучке на дне зарываемой могильной ямы.

Все каменные артефакты, расчищенные в могиле, получали номер и фиксировались на планах (рис. 3–7). Крупные изделия из камня были обнаружены в верхней части погребения, в нижележащих ярусах встречены изделия небольшого размера и обломки орудий (рис. 8). При этом в верхних ярусах 1 и 2 изделия из камня залежали плашмя, тогда как в нижнем ярусе 5, наоборот, большинство каменных артефактов располагалось не горизонтально, а наклонно, на ребре или вертикально (номера 47, 63, 64, 66, 67, 70, 71, 73).

В процессе раскопок велось краткое описание расчищенных и отмеченных на чертежах костей. Подробные зарисовки планов погребения на разных уровнях (ярусах) в сочетании с полевыми записями 1982 г. позволяют спустя столь длительное время получить ясное представление о расположении костей скелета ребенка в могильной яме.

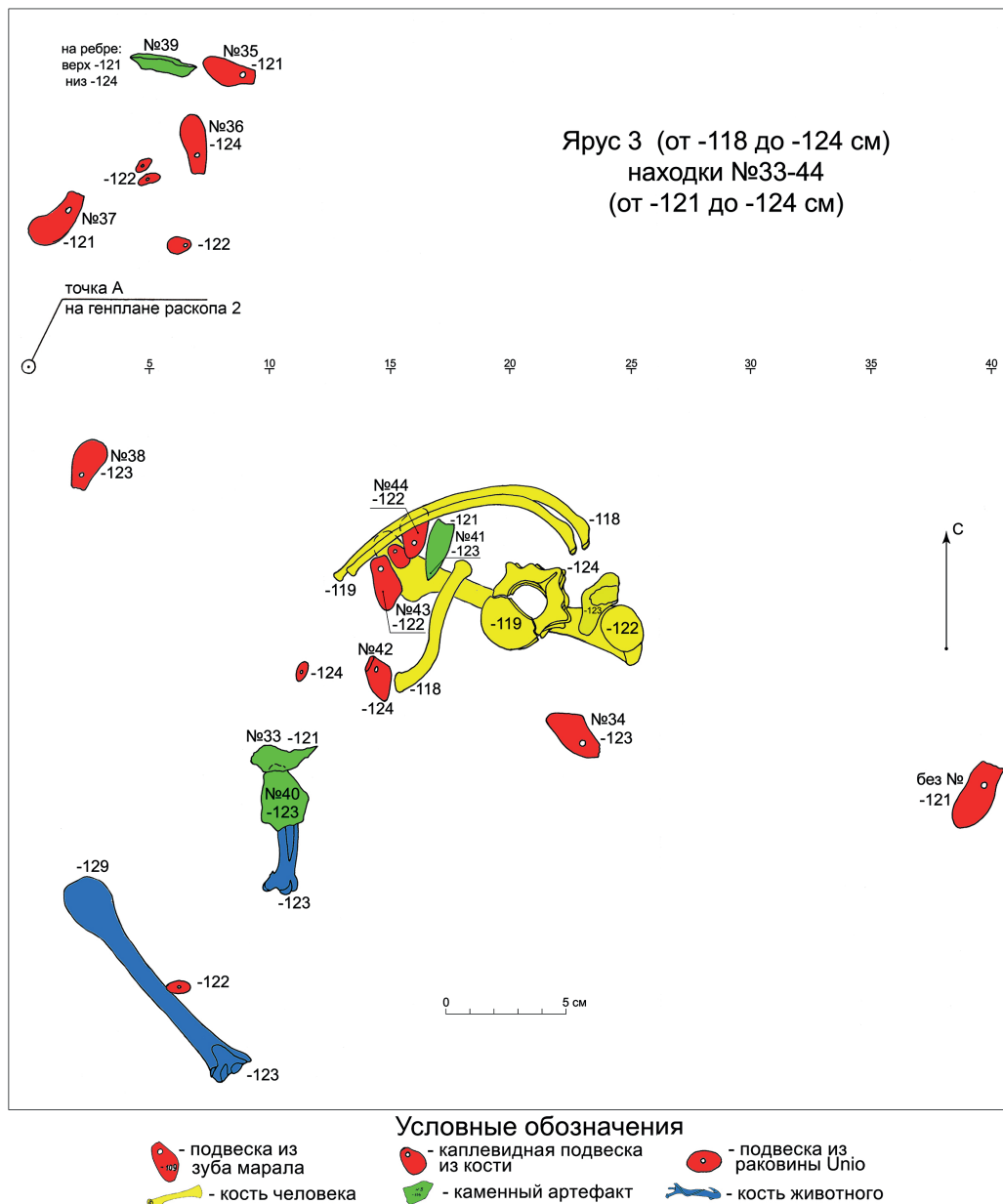

Рис. 5. Памятник Усть-Алейка-5. Могила № 2. Ярус 3 (от -121 до -124 см)

Fig. 5. The Site of Ust'-Aleyka-5. Grave No. 2. Tier 3 (from -121 to -124 cm)

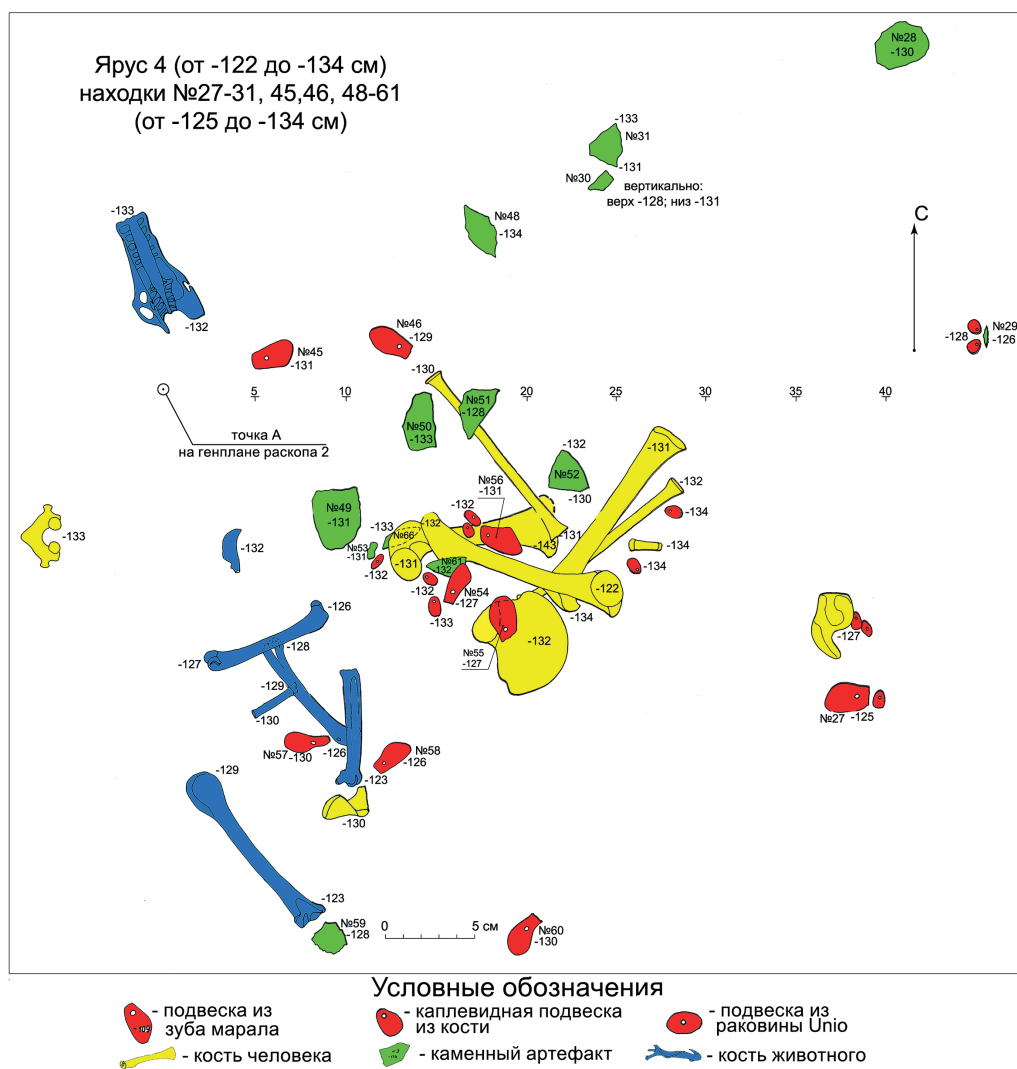

Рис. 6. Памятник Усть-Алейка-5. Могила № 2. Ярус 4 (от -125 до -134 см)

Fig. 6. The Site of Ust'-Aleyka-5. Grave No. 2. Tier 4 (from -125 to -134 cm)

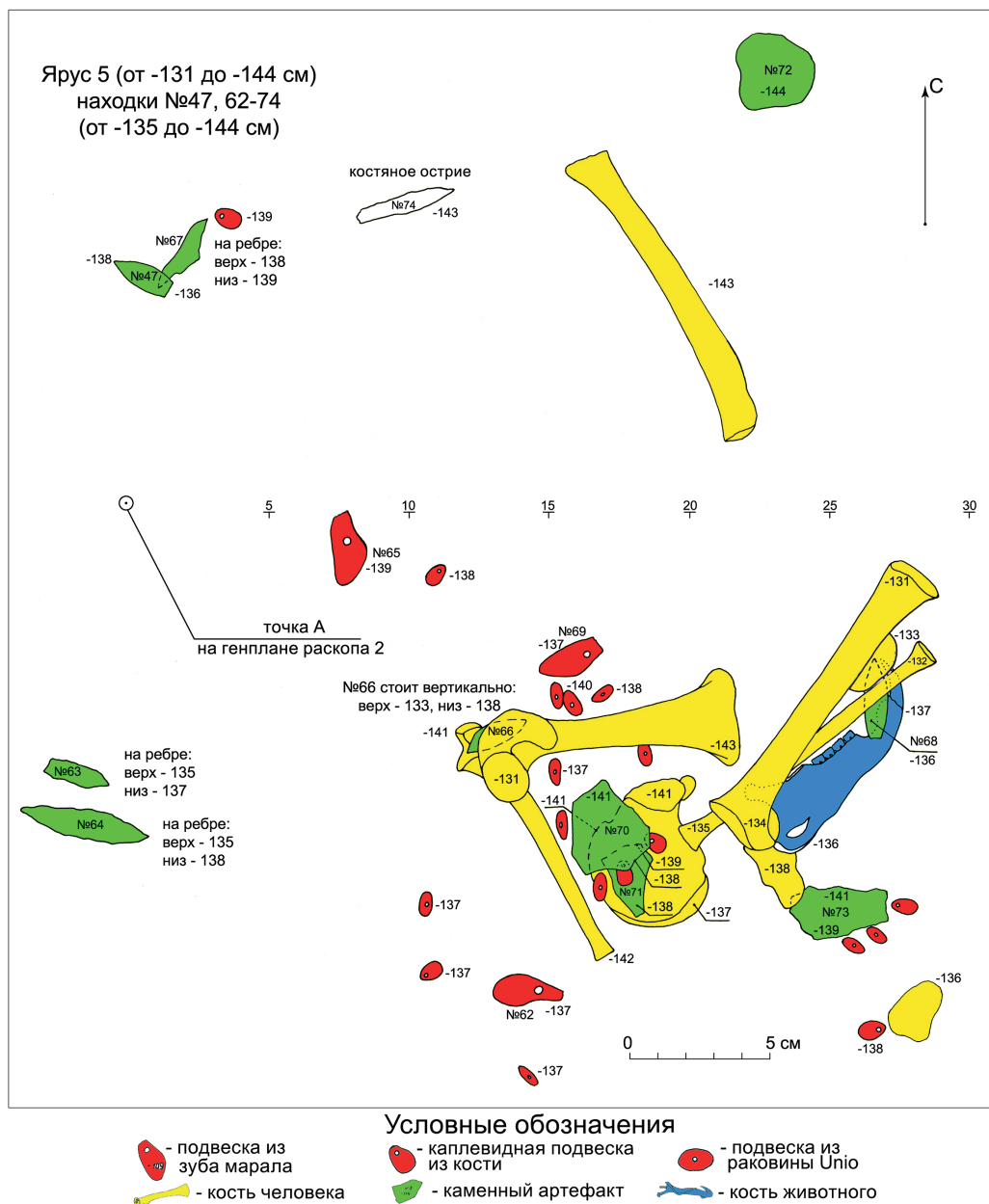

Рис. 7. Памятник Усть-Алейка-5. Могила № 2. Ярус 5 (от -135 до -144 см)

Fig. 7. The Site of Ust`-Aleyka-5. Grave No. 2. Tier 5 (from -135 to -144 cm)

Для удобства изложения суммарные сведения представлены в виде двух таблиц:

Таблица 1

Уровни залегания костей черепа и туловища ребенка в могиле 2

Tab. 1

The levels of the skull and torso bones in grave 2

Название кости	Отметки глубин, см (от условного ноля)		Ярус	Рисунок
	верхняя точка	нижняя точка		
Кости черепа				
Нижняя челюсть	112	113	1	рис. 3
Основание черепа	115	116	2	рис. 4.-1
Кости туловища				
Шейные позвонки	116	118	2	рис. 4.-1, 2
Ключица правая	118		2, 3	рис. 4.-1, 2; 5
Ключица левая	118		2	рис. 4.-1, 2
Лопатка правая	117		2	рис. 4.-1, 2
Лопатка левая	109	111	1	рис. 3
Грудные позвонки	115	119	2,4	рис. 4.-1, 2; 6
Ребра	111	119	1, 2, 3	рис. 3, 4.-1, 2; 5
Поясничные позвонки	119	124	3	рис. 5
Кости таза				
Подвздошная правая	136	141	5	рис. 7
Подвздошная левая	132		4	рис. 6
Лобковая левая	130		4	рис. 6
Седалищная правая	127		4	рис. 6
Седалищная левая (рядом с левой бедренной)	123		3	рис. 5

Таблица 2

Уровни залегания костей конечностей ребенка в могиле 2

Tab. 2

The levels of the child's limb bones in grave 2

Название кости	Отметки глубин, см (от условного ноля)		Ярус	Рисунок
	проксимальный конец кости	дистальный конец кости		
Кости рук				
Плечевая правая	116	118	2	рис. 4.-1
Плечевая правая, проксимальный эпифиз	116		2	рис. 4.-1
Лучевая правая	120	113	1, 2	рис. 3, 4.-1
Локтевая правая	112	119	1, 2	рис. 3, 4.-1
Плечевая левая	116	120	1, 2	рис. 3, 4.-1
Лучевая левая	108	112	1	рис. 3

Продолжение таблицы 2

Название кости	Отметки глубин, см (от условного ноля)		Ярус	Рисунок
	проксимальный конец кости	дистальный конец кости		
Локтевая левая	141	142	5	рис. 7
Пястная и фаланга	110	109	1	рис. 3
Кости ног				
Бедренная правая	131	143	4, 5	рис. 6, 7
Бедренная правая, дистальный эпифиз		136	5	рис. 7
Большая берцовая правая	143	143	5	рис. 7
Малая берцовая правая	130	131	4	рис. 6
Бедренная левая	122	132	2, 3, 4	рис. 4.-2; 5, 6
Бедренная левая, дис- тальный эпифиз		133	5	рис. 7
Большая берцовая левая	134	131	4, 5	рис. 6, 7
Малая берцовая левая	135	132	4, 5	рис. 6, 7
Пяточная	138		5	рис. 7
Фаланга	134		4	рис. 6

Особенностью расположения останков ребенка является то, что почти все обнаруженные кости скелета не имели анатомически правильного сочленения с прилегающими. Расположенные порознь и часто залегающие не горизонтально, а наклонно, кости ребенка могут показаться лежащими в беспорядке. Однако при внимательном рассмотрении планиграфических и стратиграфических особенностей их взаиморасположения обнаруживаются следы прежнего анатомического порядка.

Планиграфически это проявляется в расположении правых парных костей — к северо-западу, а левых — к юго-востоку от оси симметрии (позвоночного столба). Стратиграфически прежний анатомический порядок выражен в последовательности залегания друг над другом (сверху вниз) костей черепа, верхних конечностей, туловища и нижних конечностей.

Особо следует отметить, что фиксируются две отдельные сочлененные части позвоночного столба (рис. 4.-1, 2; 5). Они представляют собой два вертикальных «столбика» позвонков, сохранивших анатомический порядок сочленения, что отражено на планах и на имеющихся фотографиях. Первый «столбик» составляют шейные позвонки (рис. 4.-1, 2), второй образован четырьмя поясничными позвонками (рис. 5). В обоих случаях ось симметрии позвонков имеет направление ЮЗ–СВ (тело — дужка), это хорошо коррелирует с направлением ребер, ключиц, нижней челюсти (рис. 3) и указывает на то, что погребенный был обращен лицевым отделом и туловищем на юго-запад.

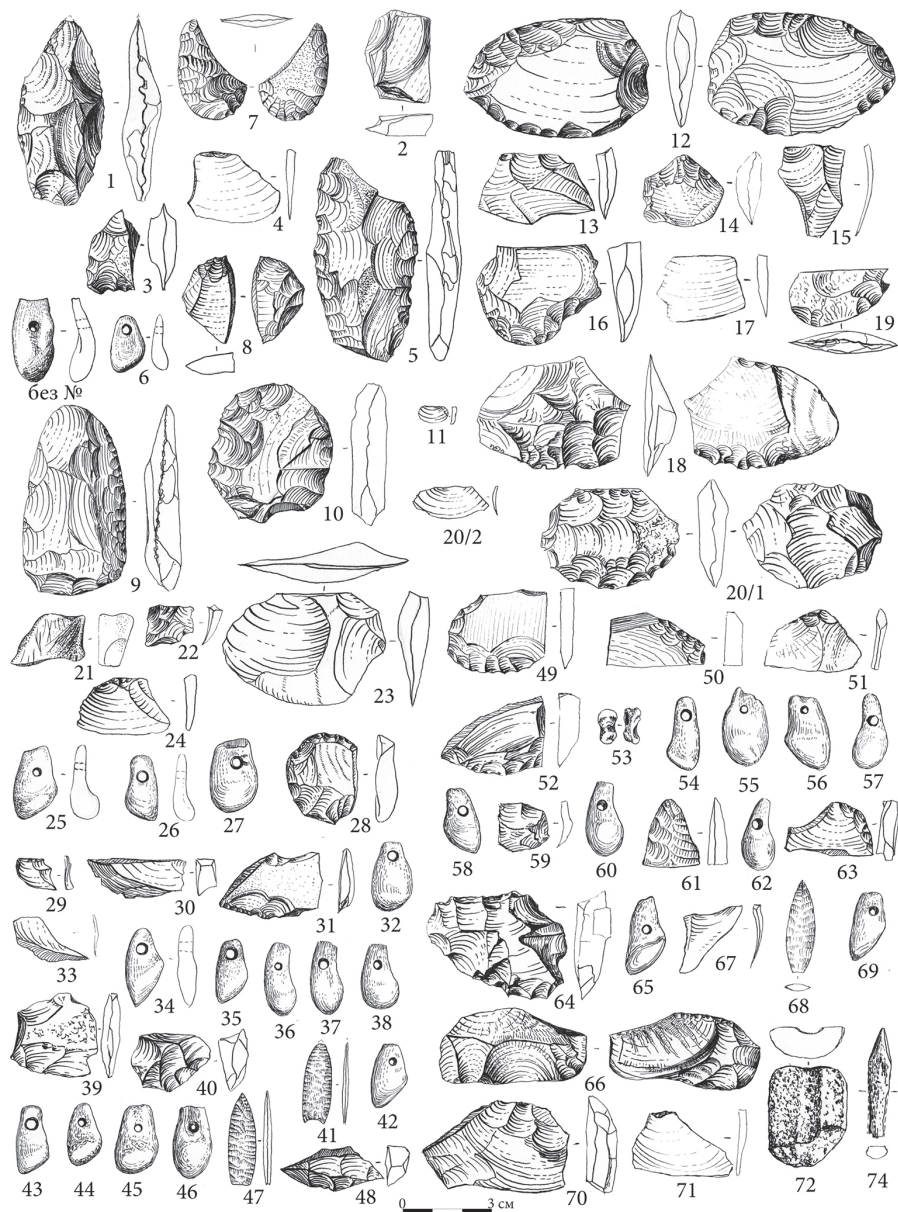

Рис. 8. Сопроводительный инвентарь погребения № 2 могильника Усть-Алейка-5, 1982 г. Номера на рисунках соответствуют номерам на планах: 1–5, 7–19, 20/1, 20/2, 21–24, 28–31, 33, 39–41, 47–52, 59, 61, 63–64, 66–68, 70–72 — камень. Без №, 6, 25–27, 32, 34–38, 42–46, без №, 54–58, 60, 62, 65, 69 — зуб марала; 53 — коронка зуба соболя; 74 — кость

Fig. 8. Accompanying inventory of burial № 2 of the Ust'-Aleyka-5 cemetery, 1982. The numbers in the drawings correspond to the numbers on the plans: 1–5, 7–19, 20/1, 20/2, 21–24, 28–31, 33, 39–41, 47–52, 59, 61, 63–64, 66–68, 70–72 — stone. No №, 6, 25–27, 32, 34–38, 42–46, no №, 54–58, 60, 62, 65, 69 — maral tooth; 53 — sable tooth crown; 74 — bone

При этом в сочленении залегали только шейные позвонки (под нижней челюстью), ключицы, ребра и четыре поясничных позвонка. Части грудных позвонков, россыпь которых была расчищена между ребер, оказались вывернутыми и слегка смещенными вверх. Все они представлены дужками, отчлененными от тела позвонка и разъединенными между собой. Также вверх переместились левая лопатка (залегала выше нижней челюсти и костей основания черепа), пара ребер, левая лучевая кость. Вероятно, это связано с деятельностью животных, которые по норам выталкивали землю вверх. Отдельно следует отметить разнонаправленное положение костей правого предплечья.

Очевидно, происходило движение по норам и в обратном направлении — вниз. Например, на глубине –109 см в пределах могильного пятна найден мелкий фрагмент керамики (рис. 3), схожий с обломками посуды эпохи поздней бронзы, которые попадались на 70–75 см выше. Единичные кости ребенка были встречены в стороне, на некотором удалении от основного скопления останков скелета. Так, дужка одного из грудных позвонков обнаружена на глубине –133 см (рис. 6), что, скорее всего, объясняется перемещением по норе. Несколько в стороне от основного массива залегала правая седалищная кость, что тоже могло быть связано с деятельностью животных. Однако в целом разрушение анатомически правильных сочленений костей скелета должно объясняться иной причиной.

Обсуждение результатов исследования

«Вертикальные» (или «стоячие») погребения достаточно редко встречаются на территории Северной Евразии. В. А. Зах выделяет в эту группу кроме погребения 2 могильника Усть-Алейка-5 еще семь захоронений каменного века. Этот тип погребения отличается «тем, что умерший помещался в могильную яму в вертикальном или близком к такому положению» (Зах, 2023, с. 82–83).

Даже первичный анализ позволяет сделать вывод, что в группу «вертикальных» включены разные типы захоронений. «Вертикальные» погребения в Оленеостровском могильнике на Онежском озере (№ 68, 100, 123, 125) — это наклонные захоронения. Н. Н. Гурина подробно описывает погребения данного типа. «Захоронение покойников этим способом было довольно сложным. Могильная яма готовилась особым способом. Одна ее сторона делалась, как обычно, отвесной, а вторая, противолежащая — под углом примерно в 45°, вследствие чего могильная яма приобретала в разрезе форму острого угла в 45–55°. Ее верхняя часть была значительно шире, чем нижняя. Покойник ставился ногами на дно углубления (в погребении № 100 — на скалу) и прислонялся спиной к наклонной стенке, поэтому его тело оказывалось в наклонном, а не перпендикулярном положении по отношению к поверхности земли» (Гурина, 1956, с. 31). Как отмечает исследователь, «после разложения трупа происходила естественная осадка костей и анатомический порядок нарушался». Полный анатомический порядок скелета сохранился лишь в погребении № 100, потому что стенка ямы, к которой был прислонен покойник, имела больший наклон, нежели у других вертикальных захоронений, и обкладка из камней была здесь значительно плотнее, а промежутки между камнями засыпаны песком (Гурина, 1956, с. 31).

К «вертикальным» относится наполовину открытое захоронение в Гросс Фреденвальде (Thomas Terberger et al., 2015, pp. 144–145; Зах, 2023, с. 83). Мужчина 24–27 лет, ростом около 1,56 м находился «в яме, имеющей форму неправильного овала с максимальной шири-

ной 1,45 м, с прокаленной почвой диаметром около 1 м, толщиной 0,2 м в центре, с темным угольным слоем по периметру. В прокале найдены небольшие обгоревшие кости и несколько кремневых изделий. На глубине 0,75 м от поверхности находились позвонки, ребро и череп. Ниже обнаружены позвонки, лежавшие в анатомическом порядке. Кости рук и некоторые ребра обнаружены в вертикальном положении, но с другой ориентацией. Чуть ниже лежали кости таза и череп. Вместе с перемешанными костями отмечался погребальный инвентарь. Первоначальная интерпретация погребения как вторичного оказалась ошибочной. Ниже упомянутых перемешанных костей появились сначала головки бедренных костей, затем кости голени и ступни, которые находились в анатомическом порядке в вертикальном положении» (Зах, 2023, с. 83). Судя по рисунку — ноги были согнуты в коленях.

Погребение в урочище Притык у д. Пеган на юго-востоке Курганской области найдено в 1949 г. (Сальников, 1952, с. 15). «В глинистой стенке карьера был обнаружен полуразрушенный костяк человека, по словам нашедшего, в вертикальном, слегка согнутом состоянии. Ступни ног находились на глубине приблизительно 3 м от поверхности». В ногах погребенного «найлены четыре предмета: каменный шлифованный топор, костяной кинжалообразный однолезвийный нож, обломок другого ножа из кости, костяная иглообразная поделка». К. В. Сальников отмечает: «Весь комплекс инвентаря и положение костяка (если оно правильно прослежено) являются совершенно уникальными для района находками» (Сальников, 1952, с. 15).

Среди «вертикальных погребений», приведенных В. А. Захом, особо выделяется захоронение № 3 могильника Заречное 1 в Присалаирье (Тоугинский район Новосибирской области). Судя по опубликованным материалам, это действительно вертикальное, стоячее погребение. Из описания автора раскопок следует, что «при зачистке материка под курганом были выявлены две вертикально стоявшие, как оказалось впоследствии, плечевые кости человека. Могильная яма не прослеживалась. Расчистка костяка показала, что человек был похоронен стоящим вертикально в яме, граница которой справа от костяка определялась по остаткам охры, присыпавшей правую часть груди; левая граница ямы условная. Череп был обнаружен в 0,4 м к юго-востоку от остальных костей, находился, скорее всего, в ямке, присыпан охрой. Погребенная, по определению В. А. Дремова, — женщина возрастом около 25 лет, стояла лицом к востоку» (Зах, 2023, с. 86). В заполнении могильной ямы обнаружены две ножевидные пластинки, небольшой каменный топорик, костяное орудие, изготовленное из расколотой крупной кости животного, с пришлифованным с двух сторон острием. По костям человека получена радиоуглеродная дата 7920 ± 50 BP (Poz-82211) (Зах, 2023, с. 86).

Из проведенного выше анализа можно сделать вывод, что захоронение № 3 могильника Заречное-1 в Присалаирье — это действительно вертикальное, стоячее погребение, которое может считаться эталоном. Погребение в урочище Притык у д. Пеган должным образом не задокументировано. Все остальные «вертикальные» погребения имеют черты сходства с «сидячими», что наблюдается в «правильном» вертикальном расположении костей грудной клетки (позвоночника и ребер). В таких погребениях череп редко сохраняется в вертикальном положении и чаще всего завален вбок, вперед или назад. Погребения в вертикальном сидячем или полулежачем/полусидячем положении зафиксированы в 56 памятниках стран Западной Европы в интервале от 12700 до 6000 кал. л.

до н.э. В категорию «сидячих» погребений попадают: с согнутыми ногами и прямой спиной; в позе «лотоса». В контексте данного исследования особенно интересны захоронения в положении сидя на коленях в Дудке и Щепанках (северо-восточная Польша) (Gumin'ski, Bugajska, 2013, pp. 469–479). При этом, судя по приведенным иллюстрациям, тип захоронений «сидя на коленях» (Gumin'ski, Bugajska, 2013, рис. 14.-VI) можно обозначить как «стоя на коленях». Возможно, различия в терминологии «сидя на коленях» и «стоя на коленях» можно отнести к особенностям перевода. В погребениях данного типа кости скелета (за исключением берцовых и стоп) оказываются в вертикальном положении, а последние — в горизонтальном. Судя по всем имеющимся материалам подобный тип наиболее близок погребению ребенка из могильника Усть-Алейка-5.

При интерпретации зафиксированных особенностей расположения инвентаря и антропологических останков погребения Усть-Алейка-5 следует отметить в целом очень хорошую сохранность костной ткани и удовлетворительную комплектность скелета. В хранении скелета ребенка (КА ТГУ № 3305) у краниума отсутствуют лишь базилярная часть затылочной кости, клиновидная и височные кости, и некоторые другие части черепа. От посткраниального скелета имеются почти все ребра и позвонки (частью вместе с не приросшими в силу раннего возраста телами), также обе ключицы, лопатки и все длинные кости конечностей, обе подвздошные и седалищные и одна лобковая кость (Солодовников и др., 2024, табл. 2). При этом обращает на себя внимание почти полное отсутствие эпифизов, в том числе довольно крупных в этом возрасте, от длинных костей конечностей. Также отсутствуют кости стоп и кистей рук (в общей сложности порядка 80 отдельных мелких костей).

Хорошая сохранность длинных костей скелета позволила антропологам по результатам остеометрического исследования реконструировать предполагаемый рост погребенного: длина тела ребенка могла составлять ориентировочно от 85 до 93 см (Солодовников и др., 2024, с. 16). Это позволяет сделать вывод, что в результате манипуляций с телом в ходе погребальных действий или в процессе археологизации кости и предметы сопроводительного инвентаря спроецировались в плотную «пачку» мощностью 0,35–0,5 м (рис. 3–5).

Необходимо отметить, что на ярусе 2 фиксируются две отдельные сочлененные части позвоночного столба, что отражено на планах (рис. 4.-1, 2) и на имеющихся фотографиях. Они представляют собой два расположенных вертикально скопления позвонков частично с не приросшими в силу возраста телами и в ряде случаев сохранивших анатомический порядок сочленения. Первый «столбик» составляют шейные позвонки с отдельными несросшимися телами (рис. 4.-1, 2). Второй фрагмент позвоночного столба составляют четыре позвонка нижней части грудного отдела и, вероятно, сопряженного с ними одного из поясничного отдела. Следует также отметить, что все, кроме одного из данных расчищенных между ребер нижних грудных позвонков, представлены дужками без тел. При этом дужки несколько разъединены между собой в вертикальном и планиграфическом отношениях, и сочлененность их положения друг с другом в целом относительная (рис. 4.-1, 2).

Как уже отмечалось выше, в обоих случаях ось симметрии позвонков имеет направление ЮЗ–СВ (тело — дужка), это хорошо коррелирует с направлением ребер, ключиц, нижней челюсти (рис. 3) и указывает на то, что погребенный был обращен лице-

вым отделом и туловищем на юго-запад. Однако во втором случае позвонки были перевернуты и развернуты в вентрально-дорсальном и каудально-краниальном отношении так, что передне-задними поверхностями оказались ориентированы в противоположное от оси тела положение, а верхними и нижними поверхностями — вместе перевернуты «снизу вверх». Одна из таких дужек, также, вероятно, от грудного позвонка, зафиксирована глубже, на плане яруса 4 слева от основного скопления (рис. 6). Поскольку кроме вышеописанных двух частей позвоночного столба в хранении КА ТГУ от данного скелета имеются дополнительно шесть грудных позвонков (все также без неприросших тел), другие позвонки грудного отдела, вероятно, тоже были перемещены в результате деятельности норных животных или по иным причинам. Ниже сохранились в сочленении в вертикальном положении лишь четыре последних поясничных позвонка и дужки одного (первого?) крестцового позвонка, что фиксируется на ярусе 3 (рис. 5). В целом анализ полевой документации и антропологических материалов позволяет предполагать, что фрагмент позвоночного столба ребенка, возможно, уже без части мягких тканей был в области грудного отдела и на границе с поясничным «вынесен» вовне за ось тела. Но, по всей видимости, это было произведено в период некоторой сохранности мягких тканей, в особенности межпозвонковых дисков и связок.

Анализ полученных данных позволяет выдвинуть несколько предположений о погребальном обряде и условиях археологизации погребения 2 могильника Усть-Алейка-5. Рассмотрим основные версии реконструкции этого явления. Для визуализации графической информации планы 1982 г. (ярусы 1–5) в программе Photoshop были сведены в один (рис. 9).

Первая версия рассматривает вариант первичного захоронения. Выдвинуто предположение, что в процессе археологизации кости скелета ребенка подвергались подвижкам и перемещениям, и этот процесс проходил в каком-то относительно свободном от грунта пространстве.

Вероятно, умерший был зафиксирован в могиле в вертикальном положении при помощи какого-то изделия (или изделий) из органического материала, плотно обхватывавшего тело. В данном случае возможно использование взрослой одежды, в которую тело ребенка было завернуто и затем в таком виде помещено в могильную яму. Заполненное органикой узкое пространство могильной ямы позволяло удерживать в вертикальном положении тело ребенка и сопроводительный инвентарь вокруг него. В процессе археологизации разложение органики уменьшило плотность среды, в результате чего в могиле произошло смещение инвентаря и костей вниз по вертикали (рис. 3–5).

Существует несколько аргументов в пользу такого предположения.

Как отмечалось выше, украшения из раковин *Unio* и каплевидные подвески на плечах отмечены не все. Подвески из зубов марала на планах обозначены все (рис. 3–7). Они образуют несколько скоплений, одно из которых «налагается» на кости ребенка, а остальные располагаются по окружностям на расстоянии от костей ребенка от нескольких до 12–17 сантиметров (рис. 9).

Возможно, эти подвески являются элементами украшения взрослой одежды, обернутой вокруг тела ребенка в 1,5–2 оборота. В процессе археологизации они образовали несколько кругов, которые наложились на кости скелета ребенка и расположились

вокруг него (рис. 9). Пространство могильной ямы, заполненное одеждой взрослого человека, могло обеспечить необходимую среду и нужную плотность, позволяющую удерживать тело ребенка вместе с инвентарем в вертикальном положении.

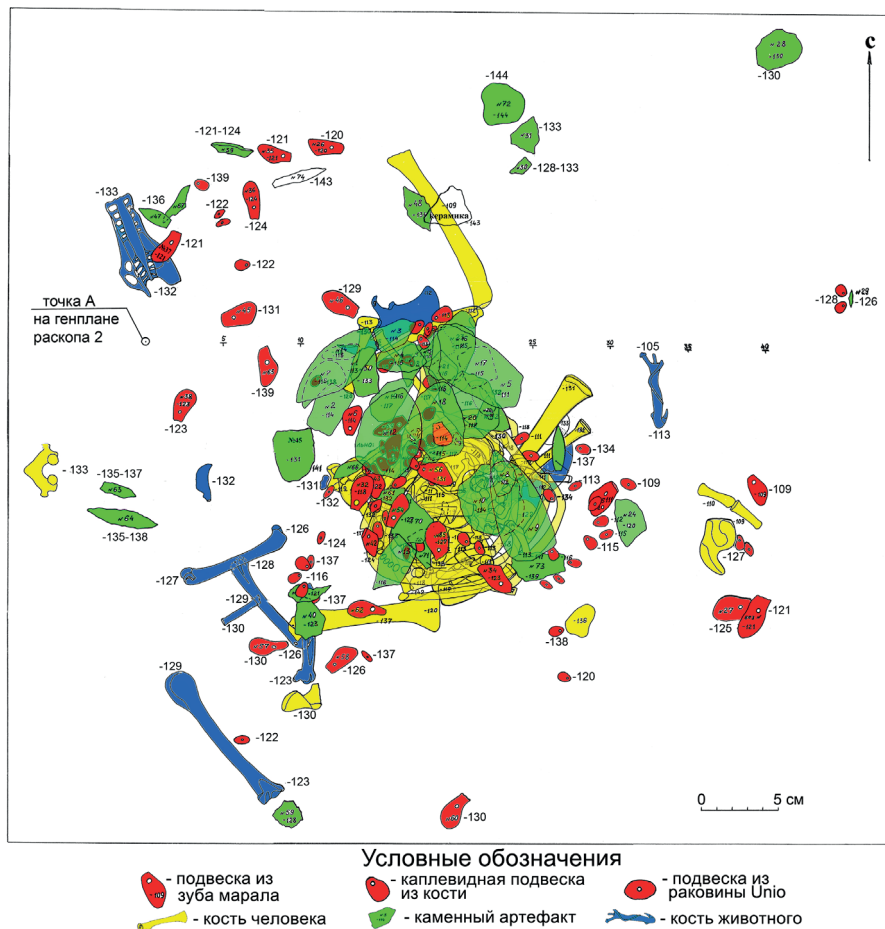

Рис. 9. Памятник Усть-Алейка-5. Могила № 2. Ярусы 1–5. Сводный план

Fig. 9. The Site of Ust`-Aleyka-5. Grave No. 2. Levels 1–5. Summary plan

В промежуток между стенками могильной ямы и одеждой были помещены кости болотного луня, которые к моменту совершения погребения находились в скелетированном состоянии (рис. 9). На сводном плане хорошо заметно, что кости птицы расположены на некотором удалении от костей ребенка. Нижние челюсти сурка, напротив, залегают вместе с костями ребенка и крупными каменными изделиями (рис. 9). Видимо это связано с тем, что в одной из челюстей есть пробитое отверстие (определение Н. Д. Оводова). Это позволяет рассматривать их как часть орудийного набора в составе погребального инвентаря.

Как отмечают исследователи, при раскопках погребальных отложений археолог обнаруживает статическую картину могилы и человеческих останков. Однако для пра-

вильного понимания этой картины необходимо учитывать тафономическую историю и многочисленные динамические процессы формирования, которые могли бы ее создать (Ortiz, Chambon, Molist, 2013, p. 4153).

При исследовании сидячих погребений в Сирии (Тель-Халула) установлено, что разложение тела в пустом пространстве приводит к коллапсу верхней части туловища. Позвоночник разделяется на сегменты, при этом шейные позвонки разделяются и падают на дно могилы, грудные — часто вычленяются группами по три и два, при этом сочленение ребер и позвонков иногда сохраняется даже после того, как позвоночник начинает разделяться на сегменты (Ortiz, Chambon, Molist, 2013, p. 4157–4158). Аналогичную картину мы наблюдаем в исследуемом погребении.

При этом на большом фактическом материале (более 100 погребений) зафиксировано, что верхние и нижние конечности в погребениях в Тель-Халуле находятся в вертикальном положении. «Часто нижние конечности сохраняют строгое соединение, включая стопы. Длинные кости нижних конечностей обычно находятся в вертикальном положении» (Ortiz, Chambon, Molist, 2013, p. 4158). В исследуемом погребении кости верхних и нижних конечностей находятся в горизонтальном или наклонном положении.

Данная версия предполагает, что постседиментационные факторы были очень значительными и археологические артефакты вместе с костями ребенка и болотного луны спроецировались по вертикали на 30–50 см (пачка отложений 35–50 см при росте ребенка 85–93 см). В таком случае, скорее всего, каменные артефакты (по крайней мере на ярусе 1) должны были принять вертикальное положение. На ярусе 1 (рис. 3) находятся самые крупные и тяжелые каменные изделия, которые должны были опуститься на дно могильной ямы. Однако создается устойчивое впечатление, что они, как и кости болотного луны, находятся *in situ*.

Ю. Ф. Кирюшин первым отметил, что погребение из Усть-Алейки-5 ближе всего по инвентарю захоронению в Нижнетыткескенской пещере-1 (Кирюшин, 2002, с. 27). По мнению А. Г. Марочкина (2014, с. 30) погребение ребенка на Усть-Алейке-5 относится к атипичным погребениям «периода неолита с признаками экстраординарной погребальной практики». Можно согласиться с точкой зрения исследователя, что «вертикальное» захоронение является одним из случаев проявления «экстраординарной погребальной практики».

Вторая версия рассматривает вариант вторичного захоронения. Погребение совершалось по обряду, в основных чертах близкому или аналогичному с захоронением в НТП-1. У захороненного в НТП-1 нарушен анатомический порядок костей, при этом часть позвоночного столба и ребер сохранили анатомический порядок (Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995, с. 27). Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в Усть-Алейке-5.

Погребение костей ребенка происходило уже после того, как мягкие ткани отчасти были утрачены и в связанном состоянии находились только позвонки и ребра. Прослеживаются несколько этапов захоронения, которые не совпадают с выделенными ярусами 1–5. До совершения погребения в яме разместили одежду крупного размера («контейнер»), распределив ее по периметру стен. После этого в пространство между стенками могильной ямы и одеждой были помещены кости болотного луны. Внутри одежды сформировали свободное пространство, в которое положили кости ног и таза, а также каменные наконечники стрел и отходы каменной индустрии. Затем пространство могильной

ямы частично заполнили грунтом. Далее в могилу в вертикальном положении поместили кости грудной клетки (ребра и позвоночник). После чего пространство могильной ямы вновь засыпали землей, укрыв кости скелета. Выше ребер уложены крупные каменные орудия (бифасы, тесло), кости рук и лопатки. Плотная локализация изделий из камня на этом уровне и их наложение друг на друга позволяет предположить, что они могли быть помещены в могилу в мешке поверх «контейнера». После того как все присыпали грунтом, сверху был поставлен череп.

Данная версия логично объясняет расположение археологических, антропологических и остеологических находок в погребении. Внутреннее пространство в могиле изначально было заполнено грунтом и постседиментационные факторы были минимальными.

По каплевидным подвескам из кости животных погребения ребенка могильника Усть-Алейка-5 получены две AMS-даты: 5550 ± 25 л.н. (IGAN-5829) и 5219 ± 86 л.н. (NSKA-01941).

В первой половине 1990-х гг. по костям человека из НТП-1 было получено пять радиоуглеродных дат: 5170 ± 40 лет (СОАН-2925), 5440 ± 105 л.н. (СОАН-2926), 5050 ± 45 лет (СОАН-2927), 5380 ± 175 л.н. (СОАН-2928) и 5075 ± 35 л.н. (СОАН-2929) (Кирышин, Кунгуров, Степанова, 1995, с. 42). В научной литературе уже отмечалось, что при проведении анализов в лабораториях Санкт-Петербурга (Le) и Новосибирска (SOAN) не вносились поправки на изотопное фракционирование. В современных AMS лабораториях эта поправка делается обязательно, и она приводит к удревнению даты. Аналогичная ситуация прослеживается на материалах погребения в НТП-1 (AMS дата 5528 ± 28 л.н. (MAMS-50153) (Wang Ke et al., 2023).

При датировании погр. 2 грунтового могильника Усть-Алейка-5 использовались каплевидные подвески из кости животных, а погребение в НТП-1 датировано по костям человека. В подобных случаях реальный возраст погребений может расходиться на несколько сотен лет вследствие проявления «пресноводного резервуарного эффекта». На данном этапе исследования можно констатировать, что погр. 2 грунтового могильника Усть-Алейка-5 и погребение в НТП-1 очень близки по времени или даже синхронны.

Подводя итоги можно отметить, что каждая из версий имеет право на существование, своих сторонников и критиков. Как показывают исследования сидячих погребений в Сирии (Тель-Халула), разложение тела в пустом пространстве может привести к образованию частично или полностью потерявшего анатомический порядок скелета на дне могилы даже в первичном захоронении (Ortiz, Chambon, Molist, 2013 p. 4157).

Возможно, в процессе обсуждения этих версий с коллегами появятся какие-то новые оригинальные идеи, наиболее приближенные к истине. Остается надеяться, что развитие тафономических исследований в археологии Западной Сибири, новые методики в полевых исследованиях, новые фактические материалы позволят вернуться к обсуждению обозначенных проблем.

Выводы

Полевая документация раскопок 1982 г. грунтового могильника Усть-Алейка-5 позволила детально проанализировать расположение костей ребенка, животных, птицы

и сопроводительного инвентаря в могиле 2, сформулировать две версии обряда погребения — с вариантами первичного и вторичного захоронения и прийти к следующему заключению:

1) могила 2 грунтового могильника Усть-Алейка-5 отличается от всех известных вертикальных и наклонных погребений каменного века Северной Евразии;

2) в расположении артефактов, остеологических и антропологических находок в погребении 2 грунтового могильника Усть-Алейка-5 прослеживается «вертикальность» — несколько уровней локализации находок, что позволяет считать его с определенными оговорками «вертикальным». Наличие кавычек позволяет подчеркнуть его специфику в кругу известных вертикальных и наклонных погребений каменного века Северной Евразии;

3) «вертикальное» захоронение ребенка могильника Усть-Алейка-5 также отличается от вторичных погребений каменного века юга Западной Сибири и сопредельных территорий.

Таким образом, рассмотренное захоронение занимает свое, особое место среди атипичных погребений с признаками экстраординарной погребальной практики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бородаев В. Б., Кирюшин К. Ю., Кузменкин Д. В., Солодовников К. Н. Украшения из раковин моллюсков рода *Unio* в неолитическом погребении могильника Усть-Алейка-5 (Барнаульское Приобье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50, № 1. С. 48–56.

Бородаев В. Б., Кирюшин К. Ю., Кузменкин Д. В., Толпеко И. В., Давыдов Р. В., Федорченко А. Ю. Раковина морского моллюска *Tritia nitida* из неолитического погребения грунтового могильника Усть-Алейка-5 (Барнаульское Приобье) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2025. Т. 53, № 1. С. 44–52.

Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 431 с. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 47).

Зах В. А. Вертикальные захоронения Северной Евразии // Уральский исторический вестник. 2023. Т. 80, № 3. С. 82–92.

Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 294 с.

Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Степанова Н. Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры 1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. 150 с.

Марочкин А. Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (История изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2014. 33 с.

Сальников К. В. К вопросу о неолите степного Зауралья // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. 47. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 15–23.

Солодовников К. Н., Алексеева Е. А., Бородаев В. Б., Кирюшин К. Ю., Куфтерин В. В., Рыкун М. П., Слепцова А. В. Комплексный палеоантропологический анализ скелета ребенка из неолитического погребения Усть-Алейка-5 в Барнаульском Приобье // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 3. С. 7–31.

Gumin'ski W., Bugajska K. Exception as a Rule. Unusual Mesolithic Cemetery and Other Graves at Dudka and Szczepanki, Masuria, NE-Poland // *Mesolithic Burials — Rites, Symbols and Social Organisation of Early Postglacial Communities*. Halle (Saale). 2013. P. 465–510.

Ortiz A., Chambon P., Molist M. “Funerary Bundles” in the PPNB at the Archaeological Site of Tell Halula (middle Euphrates valley, Syria): Analysis of the Taphonomic Dynamics of Seated Bodies // *J. Archaeol. Sci.* 2013. Vol. 40. P. 4150–4161.

Thomas Terberger, Andreas Kotula, Sebastian Lorenz, Manuela Schult, Joachim Burger & Bettina Jungklaus. Standing Upright to All Eternity — The Mesolithic Burial Site at Groß Fredenwalde, Brandenburg (NE Germany) // *Quartar*. 2015. Vol. 62. P. 133–153.

Wang Ke, Yu He, Radzeviciute Rita, Kiryushin Yuriy F., Tishkin Alexey A., Frolov Yaroslav V., Stepanova Nadezhda F., Kiryushin Kirill Yu., Kungurov Artur L., Shnaider Svetlana V., Tur Svetlana S., Tiunov Mikhail P., Zubova Alisa V., Pevzner Maria, Karimov Timur, Buzhilova Alexandra, Slon Viviane, Jeong Choongwon, Krause Johannes, and Posth Cosimo. Middle Holocene Siberian Genomes Reveal Highly Connected Gene Pools throughout North Asia // *Current Biology*. 2023. Vol. 33. P. 1–11.

REFERENCE

Borodaev V. B., Kiriushin K. Yu., Kuzmenkin D. V., Solodovnikov K. N. Decorations from Shells of Mollusks of the Genus *Unio* in the Neolithic Burial of the Ust'Aleika-5 Burial Ground (Barnaul Priobie). *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2022;50(1):48–56 (*In Russ.*)

Borodaev V. B., Kiriushin K. Yu., Kuzmenkin D. V., Tolpeko I. V., Davydov R. V., Fedorchenko A. Yu. A Shell of the Marine Mollusk *Tritia Nitida* from a Neolithic Burial of the Ust-Aleyka-5 Burial Ground (Barnaul Ob region). *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2025;53(1):44–52 (*In Russ.*)

Gurina N. N. The Deer Island Burial Ground. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1956. 431 p. (Materials and Research on the Archaeology of the USSR; no. 47) (*In Russ.*)

Zakh V. A. Vertical Burials of Northern Eurasia. *Ural'skij istoricheskij vestnik = Ural Historical Bulletin*. 2023;80(3):82–92 (*In Russ.*)

Kiriushin Yu. F. Eneolithic and Early Bronze Age of the South of Western Siberia. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2002, 294 p. (*In Russ.*)

Kiriushin Yu. F., Kungurov A. L., Stepanova N. F. Archaeology of the Nizhnetytkesken Cave 1. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1995. 150 p. (*In Russ.*)

Marochkin A. G. Funeral Practices of the Upper Ob Population in the Neolithic and Eneolithic Periods (History of Study, Structural Analysis and Typology, Problems of Cultural-Chronological Interpretation): the Abstract Dis. ... Cand. Hist. Sciences. Kemerovo, 2014. 33 p. (*In Russ.*)

Sal'nikov K. V. On the Issue of the Neolithic Steppe of the Trans-Urals. Brief Notes on Reports and Field Research of the Institute of the History of Material Culture. Iss. 47. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952. Pp. 15–23 (*In Russ.*)

Solodovnikov K. N., Alekseeva E. A., Borodaev V. B., Kiriushin K. Yu., Kufterin V. V., Rykun M. P., Sleptsova A. V. Complex Paleoanthropological Analysis of the Skeleton of a Child from the Neolithic Burial Site Ust-Aleika-5 in the Barnaul Ob Region. *Narody i religii Evrazii = Peoples and religions of Eurasia*. 2024;29(3):731 (*In Russ.*)

Gumin'ski W., Bugajska K. Exception as a Rule. Unusual Mesolithic Cemetery and Other Graves at Dudka and Szczepanki, Masuria, NE-Poland. In: *Mesolithic Burials — Rites, Symbols and Social Organisation of Early Postglacial Communities*. Halle (Saale). 2013. P. 465–510.

Ortiz A., Chambon P., Molist M. “Funerary Bundles” in the PPNB at the Archaeological Site of Tell Halula (middle Euphrates valley, Syria): Analysis of the Taphonomic Dynamics of Seated Bodies. *J. Archaeol. Sci.* 2013;40:4150–4161.

Thomas Terberger, Andreas Kotula, Sebastian Lorenz, Manuela Schult, Joachim Burger & Bettina Jungklaus. Standing Upright to All Eternity — The Mesolithic Burial Site at Groß Fredenwalde, Brandenburg (NE Germany). *Quartar.* 2015;62:133–153.

Wang Ke, Yu He, Radzeviciute Rita, Kiryushin Yuriy F., Tishkin Alexey A., Frolov Yaroslav V., Stepanova Nadezhda F., Kiryushin Kirill Yu., Kungurov Artur L., Shnaider Svetlana V., Tur Svetlana S., Tiunov Mikhail P., Zubova Alisa V., Pevzner Maria, Karimov Timur, Buzhilova Alexandra, Slon Viviane, Jeong Choongwon, Krause Johannes, and Posth Cosimo. Middle Holocene Siberian Genomes Reveal Highly Connected Gene Pools throughout North Asia. *Current Biology.* 2023;33:1–11.

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Кирюшин К. Ю.: идея публикации статьи, анализ планиграфии и стратиграфии антропологических, остеологических и археологических коллекций исследуемого погребения, аналитический анализ полученных результатов, работа с графическими материалами, участие в написании текста (все, кроме «Основной части»), обсуждение результатов, редактирование рукописи.

K. Yu. Kiryushin: the idea of publishing an article, analysis of the planigraphy and stratigraphy of anthropological, osteological and archaeological collections of the burial under study, analytical analysis of the results obtained, work with graphic materials, participation in writing the text (everything except the “Main Part”), discussion of the results, editing the manuscript.

Бородаев В. Б.: работа с полевой документацией исследуемого погребения, описание процесса и методики полевых археологических исследований погребения № 2 могильника Усть-Алейка-5, участие в написании текста («Основная часть»).

V. B. Borodaev: work with field documentation of the burial under study, description of the process and methods of field archaeological research of burial No. 2 of the Ust-Aleyka-5 burial ground, participation in writing the text (“Main part”).

Солодовников К. Н.: идентификация, анализ планиграфии и стратиграфии антропологических останков в погребении, аналитическое описание полученных результатов, участие в написании текста (все, кроме «Основной части»).

K. N. Solodovnikov: identification, analysis of the planigraphy and stratigraphy of anthropological remains in the burial, analytical description of the results obtained, participation in writing the text (everything except the “Main Part”).

Толпеко И. В.: анализ планиграфии и стратиграфии антропологических, остеологических и археологических коллекций исследуемого погребения, аналитический анализ полученных результатов, участие в написании текста (все, кроме «Основной части»), работа с графическими материалами, обсуждение результатов, редактирование рукописи.

I. V. Tolpeko: analysis of the planigraphy and stratigraphy of anthropological, osteological and archaeological collections of the burial under study, analytical analysis of the results obtained, participation in writing the text (everything except the “Main Part”), work with graphic materials, discussion of the results, editing the manuscript.

Рыкун М. П.: анализ антропологических материалов и обсуждение результатов исследования, участие в написании (все, кроме «Основной части») и редактировании текста.

M. P. Rykun: analysis of anthropological materials and discussion of research results, participation in writing (everything except the “Main Part”) and editing the text.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кирышин Кирилл Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры рекреационной географии, сервиса, туризма и гостеприимства Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Kirill Yu. Kiryushin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Recreational Geography, Service, Tourism and Hospitality, Altai State University, Barnaul, Russia.

Бородаев Вадим Борисович, ведущий специалист Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул, Россия.

Vadim B. Borodaev, Leading Specialist of Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia.

Солодовников Константин Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Тюменского научного центра СО РАН, Тюмень, Россия.

Konstantin N. Solodovnikov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS, Tyumen, Russia.

Толпеко Ирина Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.

Irina V. Tolpeko, Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Universal History of Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia.

Рыкун Марина Петровна, кандидат исторических наук, зав. кабинетом антропологии, доцент кафедры антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск, Россия.

Marina P. Rykun, Candidate of Historical Sciences, Anthropologists Team Leader, Associate Professor of the Department of Anthropology and Ethnology of National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia.

*Статья поступила в редакцию 09.08.2025;
одобрена после рецензирования 18.09.2025;
принята к публикации 24.09.2025.
The article was submitted 09.08.2025;
approved after reviewing 18.09.2025;
accepted for publication 24.09.2025.*